

ГЕЛОПОЛИС: ПРИНЦИП СЪЕМОВЪОГО ОСТАТКА

Hlebusheq

**Гелиополис: Принцип
светового остатка**

«Автор»

2026

Hlebusheq

Гелиополис: Принцип светового остатка / Hlebusheq — «Автор», 2026

Мир, навсегда запертый под Поясом Осколков. Магия здесь — не дар, а симптом умирающей звезды. Пять государств балансируют на грани войны. «Железная» Президент Аурелия Корона-Люкс правит Солярис-Коммон твёрдой рукой, скрывая боль от потери мужа. Её сын Кассиан, художник, бежит на запад, подальше от матери и её ожиданий. Глава могущественной корпорации Доминик Арк пытается разгадать чужой заговор, пока его телохранитель Кай, связанный с ним магическим резонансом, хранит молчание. А в глубинах океана Княгиня Мариса Велантис каждые две недели сбрасывает таймер системы, способной уничтожить весь мир. Пять судеб сплетаются воедино на пороге войны, которой никто не хочет, но которую все ждут.

© Hlebusheq, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: УРАВНЕНИЕ СВЕТА	5
ГЛАВА 2: ТЕНЕВАЯ ОСЬ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Hlebusheq

Гелиополис: Принцип светового остатка

ПРОЛОГ: УРАВНЕНИЕ СВЕТА

Я запомнил их такими.

В тот день свет был особенно ярким — может быть, потому что за окнами Президентского дворца сиял Гелиос, а может быть, потому что они стояли рядом, плечом к плечу, и голограмма, развёрнутая над столом из «мирного стекла», отбрасывала на их лица золотистые блики. Мама и папа. Архитектор и Премьер-министр. Два человека, которые строили будущее.

Мне было десять лет. Я сидел в кресле у окна и рисовал.

Световой стилус оставлял на бумаге живой, медленно гаснущий след. Я знал, что через пару часов рисунок исчезнет — стилус не предназначен для долговечности, он нужен для эскизов, для набросков, для мимолётных моментов. Но именно это мне и нравилось. Мимолётность. Хрупкость. То, что нельзя удержать навсегда — можно только запомнить.

Я рисовал их лица. Мамино — строгое, с высокими скулами и внимательными глазами, которые даже сейчас, когда она смотрела на голограмму, что-то просчитывали. Папино — более мягкое, с тёплой улыбкой, которая появлялась каждый раз, когда он смотрел не на чертежи, а на неё.

Они обсуждали «Световой Щит». Огромный купол, собранный из тысяч гексагональных секций, парил над столом, медленно вращаясь. Папа указывал на какой-то узел, мама кивала, поправляла его расчёты, добавляла свои. Они говорили на языке, который я тогда не понимал: резонансные контуры, лей-линии, люмен-часы, стабилизирующие кристаллы. Но мне и не нужно было понимать слова. Достаточно было видеть, как они смотрят друг на друга.

— Знаешь, если это сработает, — сказал папа, и в его голосе прозвучала та особая теплота, которую он приберегал только для неё, — город будет вечно благодарен тебе. Ты станешь той, кто подарил им Щит.

Мама на мгновение оторвалась от голограммы и ответила на его взгляд. Я видел, как смягчились её черты — только на секунду, но я успел это зарисовать.

— Не мне, — сказала она. — Нам. Ты — половина этого уравнения.

Над голограммой, прямо между ними, вспыхнула крошечная золотая искра. Я не знаю, что это было — может быть, дефект проектора, а может быть, сама магия отреагировала на их близость. Но я нарисовал и её тоже.

Потом папа отошёл от стола и заглянул в мой рисунок. Его лицо озарилось той самой улыбкой — понимающей, тёплой, чуть-чуть грустной.

— Потрясающе, Кас, — сказал он. — Ты поймал самую суть. Не свет на чертеже, а свет в наших глазах.

— Это не просто чертёж, пап, — ответил я. — Это будущее. Ты и мама строите его. Я просто сохраняю момент.

Мама подошла следом. Её взгляд упал на рисунок, и я увидел, как в её глазах промелькнуло что-то сложное — смесь гордости и лёгкой, едва заметной печали.

— Очень красиво, Кас, — сказала она. — Ты унаследовал у отца чувство прекрасного. Но помни: мир держится не только на красоте. Ему нужны и уравнения.

— Уравнения — это тоже красота, дорогая, — папа положил руку на её плечо, мягко, но уверенно. — Просто Кас видит её по-своему. Не каждый должен быть инженером.

— Я знаю. Просто иногда мне хочется, чтобы он хотя бы попробовал. Ради меня.

Я опустил глаза к рисунку. Я не обиделся. Я понимал. Мама хотела, чтобы я пошёл по её стопам, стал Архитектором, продолжил дело, которому она посвятила жизнь. Но я знал, что никогда не стану инженером. Не потому, что не любил её. А потому, что любил другое. Я любил свет. Не тот, что подчиняется уравнениям, а тот, что живёт сам по себе. Тот, что танцует на грани видимости и исчезает, стоит только отвести взгляд. Но тогда, в тот вечер, всё это было не важно. Мы были вместе. Мы были семьёй. Завтра должен был состояться решающий тест «Светового Щита», и мама надеялась, что после него она войдёт в историю не как «жена Премьер-министра», а как Архитектор, подаривший городу защиту. Папа верил в неё. Я верил в них обоих.

За ужином мама смотрела в окно, на огни Светоча, и говорила о выборах, которые должны были состояться через месяц. Папа слушал её с тихой гордостью, иногда вставляя короткие реплики. Я вертел в пальцах стилус и молчал.

— Ты уже вошла в историю, — сказал папа, когда мама закончила. — Просто мир ещё не знает об этом.

Она повернулась к нему и взяла его руку в свою.

— Без тебя ничего бы не вышло, — сказала она. — Ты — моя совесть. Мой расчёт. Мой свет.

Я смотрел на их сплетённые пальцы и думал, что когда-нибудь, когда вырасту, я нарисую их такими. Без голограммы. Без чертежей. Просто их вдвоём.

Ночью папа зашёл в мою комнату. Я уже лежал в постели, но не спал — я никогда не спал перед важными днями. На стене над кроватью колыхались мои рисунки: портреты родителей, пейзажи Светоча, абстрактные узоры. Они не светились в темноте — были нарисованы другим стилусом, серебряным, он оставлял серый след, со временем преобразующимся в нечто ржаватое, ржавое, в какой-то степени живое.

Папа присел на край кровати и протянул мне маленький память-кристалл. Он был крошечный, размером с ноготь, и светился мягким золотистым светом.

— Это тебе, — сказал он. — Маленький, но настоящий. Когда-нибудь ты сможешь вложить в него целую историю. А пока — просто храни.

Я взял кристалл и сжал в ладони. Он был тёплым.

— Пап, а ты не боишься? — спросил я. — Завтра, на тесте?

Он улыбнулся и взъерошил мне волосы.

— Нет. Потому что я верю в уравнения. И я верю в твою мать. Мы справимся.

Я кивнул и прижал кристалл к груди. Папа встал, погасил свет и уже от двери сказал:

— Спи. Завтра будет великий день.

Он оказался прав.

Завтра стало великим днём, просто не в том смысле, в каком мы надеялись.

Утро началось с поцелуя.

Я не должен был этого видеть — но я проснулся раньше обычного, вышел в коридор и через приоткрытую дверь их кабинета увидел, как папа подходит к маме сзади и кладёт руки ей на плечи. Она стояла перед зеркалом, поправляя строгий костюм — тот самый, в котором она всегда появлялась на публике: тёмно-синий, с высоким воротником, без единой лишней детали. В нём она выглядела как будущий Президент. В нём она и была будущим Президентом.

— Ты прекрасна, — сказал папа.

Мама положила свою ладонь поверх его руки. Её голос был тих, почти шёпотом:

— Я боюсь, Юлиан. Не столько за себя, сколько за тебя. За нас.

Он развернул её к себе и посмотрел прямо в глаза — так, как смотрел всегда, когда хотел, чтобы она ему поверила.

— Послушай меня. Что бы ни случилось сегодня — мы уже победили. У нас есть Кас. У нас есть наш мир. И я люблю тебя. Мы — это уравнение, которое никогда не изменится.

Они поцеловались. Я отвёл взгляд. Не потому, что мне было неловко — мне было десять, я ещё не научился смущаться таких вещей. А потому, что это был их момент. Не мой. Я просто сохранил его в памяти, чтобы потом нарисовать.

Полигон «Мирное Поле» находился за пределами Светоча — огромный, плоский участок пустыни, окружённый наблюдательными вышками и временными куполами. Я помню небо над ним — такое чистое, такое голубое, будто сам Гелиос благословлял их. А потом его свет стал огнём.

Мы приехали на полигон за час до теста. Папа и тётя Кларисса сразу ушли в операторский центр, который находился глубоко под землёй, — им нужно было проверить системы перед запуском. Мама осталась в главном наблюдательном куполе, вместе с журналистами, военными и советниками. Меня отвели на смотровую площадку — туда, где собирались семьи инженеров. Я был единственным ребёнком среди взрослых.

Я помню, как выглядел прототип «Светового Щита». Он возвышался над землёй, как гигантская чаша, собранная из тысяч гексообразных световых кристаллов и костяных нитей. Кристаллы были тусклыми, безжизненными, но я знал, что через несколько минут они оживут. Я достал стилус и начал рисовать.

— Начинаем отсчёт, — раздался голос из громкоговорителей. — Три... две... одна... Активация.

И чаша ожила.

Сначала кристаллы засветились тускло, потом всё ярче и ярче. Воздух вокруг конструкции задрожал от магического напряжения. Над чашей начал формироваться полупрозрачный, переливающийся золотом купол — тот самый Щит. Он медленно расширялся, накрывая полигон, и в его свете было что-то невероятно красивое, почти божественное. Я смотрел на него, забыв о рисунке, забыв обо всём. Моя мама создала это. Мой папа построил это.

А потом что-то пошло не так.

Сначала изменился звук. Низкий, ровный гул турбин сменился высоким, пронзительным воем. Затем изменился свет. Золотое сияние стало рваным, хаотичным, по нему побежали трещины. Купол перестал расширяться и начал пульсировать, словно живое сердце, бьющееся в агонии. На смотровой площадке кто-то закричал.

Я не кричал. Я смотрел.

Потому что под землёй, в операторском центре, был мой отец.

Позже я узнал, что там произошло. Мне рассказали — не сразу, через несколько дней, когда я уже мог слушать. Резонансный контур вышел из-под контроля. Система аварийного отключения отказала. И тогда папа сделал то, что должен был сделать: он бросился к ручному аварийному реверсу — массивному механическому рычагу, который направлял всю энергию контура обратно в кристаллы-накопители, разрушая их и останавливая Щит.

Тётя Кларисса пыталась его остановить. Она кричала, что кристаллы не выдержат обратного потока, что они взорвутся прямо под операторским центром, что он не успеет уйти. Он знал. Он сказал ей: «Я доверяю тебе свою семью. Расскажи им, что я нашел решение».

И опустил рычаг.

Я не видел, как он умер. Я видел только свет.

Купол над полигоном схлопнулся. Вместо того чтобы рассеяться вверх, энергия ушла в землю. Гул нарастал, земля под полигоном вспучилась, из трещин вырвались лучи ослепительного света. Ударная волна разбила стекло смотровой площадки вокруг меня. Я упал, закрывая лицо руками, и когда открыл глаза — полигона больше не было. Только дымящийся провал,

оплавленные обломки, покрытые брызгами застывшей магии, и столб серого дыма, поднимающийся к небу.

Я побежал. Я не помню, как я добрался до наблюдательного купола — наверное, меня кто-то повёл, кто-то из военных. Я помню только, как вбежал внутрь и увидел маму.

Она стояла у панорамного окна из «мирного стекла», покрытого сетью трещин. Её лицо было бледным, застывшим. Она смотрела на дымящийся провал и не могла отвести взгляд. Я подбежал к ней, прижался лицом к её костюму, обхватил руками, пытаюсь спрятаться от того, что увидел. Её левая рука легла на мой затылок и прижала меня к себе. Крепко. Почти до боли.

— Юлиан, — сказала она. Не закричала. Не заплакала. Просто произнесла его имя. — Где Юлиан?

Советник, стоявший рядом, опустил глаза. Он ничего не ответил. Но его молчание сказало всё.

Я прижимался к маме, чувствуя, как дрожат её пальцы на моём затылке, и не понимал, что произошло. Вернее, понимал — но не мог принять. Папа обещал, что всё будет хорошо. Он верил в уравнения. Он верил в маму. Он сказал, что это уравнение никогда не изменится.

Но он ошибся...

Прошло несколько часов. Я не помню, как мы вернулись во дворец.

Взрослые сустились вокруг нас, что-то говорили, что-то спрашивали. Я не слушал. Я сидел на стуле в коридоре перед маминым кабинетом и смотрел на свои руки. На них всё ещё был след от светового стилуса — золотистая пыльца, которую я так и не смыл. Она уже почти погасла.

Дверь кабинета была приоткрыта. Я слышал голоса — мамин, холодный и ровный, как стекло, и голоса советников, торопливые, сбивчивые, испуганные.

— Подтверждена гибель всей команды операторского центра. Спасательные работы завершены. Тела тел нет. Главный Инженер Люкс активировал аварийный реверс. Он уничтожил кристаллы-накопители. Это спасло всех, кто был на поверхности.

Молчание. Потом мамин голос:

— Он спас нас.

— Да, госпожа Люкс. Если бы не он, жертв были бы сотни. Пресса уже называет его героем Гелиополиса. И Парламент предложил провести экстренное голосование. Выборы могут отменить. Вас хотят назначить Президентом досрочно. Как жест доверия и скорби.

Снова молчание. Долгое. Очень долгое.

— Все — вон. Сейчас же.

Советники вышли из кабинета гуськом, опустив головы, стараясь не смотреть друг на друга. Один из них заметил меня, сидящего на стуле, и на мгновение замер, будто хотел что-то сказать. Но не сказал. Просто прошёл мимо.

Я встал и подошёл к двери. Заглянул в щель.

Мама сидела за столом в своём строгом тёмно-синем костюме, который она надела утром для теста. Он был покрыт пылью — она так и не переоделась. Перед ней всё ещё горела голограмма «Светового Щита» — та самая, где они с папой вместе вели расчёты. Она протянула руку и коснулась светящегося купола. Голограмма прошла сквозь пальцы.

— Ты говорил, — сказала она, и её голос был тихим, почти шёпотом, — мы — это уравнение, которое никогда не изменится. Ты солгал, Юлиан. Ты изменил его сам.

По её щекам текли слёзы. Я никогда не видел, чтобы мама плакала. Даже когда она спорила с оппозицией, даже когда ей угрожали, даже когда всё шло не по плану — она никогда не плакала. А теперь слёзы текли, и она не вытирала их. Просто позволяла им течь.

Я хотел войти, обнять её, сказать что-нибудь. Но я не мог. Я стоял в дверях и смотрел, как моя мама — самая сильная женщина, которую я знал, — плачет над голограммой, которую

они с папой создали вместе. И в этот момент я понял: что-то сломалось. Не в ней — в мире. В том будущем, которое они строили. В уравнении, которое должно было быть вечным.

Я отошёл от двери и вернулся на стул. Стилус всё ещё лежал в моём кармане. Я достал его и посмотрел на потускневший след на пальцах.

Свет гаснет. Всегда гаснет. Это его природа.

Прошло три дня.

Зал прощания в Институте Светового Контура был огромным — я никогда не видел столько людей в одном месте. Военные, учёные, политики, журналисты. Все в чёрном. Все с каменными лицами. В центре зала стояли три пустых гробницы из «мирного стекла» — тел не было, только световые кристаллы, которые медленно пульсировали, проецируя в воздух голографические портреты погибших.

Папин портрет был самым большим. Он улыбался той самой улыбкой, которую я нарисовал за день до теста. Я стоял в первом ряду, рядом с тётей Клариссой, и держал в руках тот самый рисунок. Свет на нём почти погас — световой стилус оставляет только временный след.

Тётя Кларисса не плакала. Она вообще не показывала эмоций — только её правая рука, стеклянный протез, пульсировала ярче обычного. Позже я узнал, что яркость зависит от её сердцебиения. В тот день её сердце билось слишком быстро.

В зал вошла мама. Все взгляды устремились на неё. Она была в строгом чёрном костюме, который я никогда раньше не видел — наверное, она заказала его специально для церемонии. Её лицо было холодной, безупречной маской. Ни следа слёз. Ни следа слабости.

— Президент Люкс, — прошептал кто-то за моей спиной.

Экстренное голосование состоялось накануне. Мама стала Президентом. Она получила власть, к которой стремилась всю жизнь — не через триумф, а через катастрофу. Не благодаря победе, а благодаря утрате.

Она подошла к гробнице папы и остановилась, глядя на его голограмму. Её пальцы сжались в кулак, но лицо осталось неподвижным. Потом она развернулась к собравшимся и произнесла речь — короткую, всего несколько фраз, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

— Мой муж отдал жизнь за этот проект. За этот город. За всех нас. И я клянусь: его жертва не будет напрасной. «Световой Щит» будет построен. Светоч будет защищён. Чего бы это ни стоило.

Аплодисментов не было. Только тишина.

После церемонии я пошёл искать маму. Я нашёл её в пустом коридоре, у окна. Она стояла спиной ко мне и смотрела на плато, на далёкие огни Светоча, на небо, где даже днём были видны тусклые искры Пояса Осколков. К ней подошла тётя Кларисса.

— Я должна сказать тебе, — голос тёти дрожал, и я никогда не слышал, чтобы он дрожал. — Он пошёл к тому рычагу, потому что знал: иначе энергия ударит вверх. В наблюдательный купол. Он спас тебя. И Каса. Он выбрал вас.

Мама повернулась. Её лицо было холодным, но голос — тихим и острым.

— Ты обещала, что это работает. Ты дала мне уравнение.

— В уравнении была ошибка.

— Ошибка стоила мне мужа. Теперь ты найдёшь способ исправить её. Чего бы это ни стоило. Потому что я не позволю его смерти быть напрасной.

Тётя опустила голову.

— Я найду. Клянусь.

Мама ушла, не оборачиваясь. Её шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Но у самого выхода она на секунду остановилась и прижала левую руку к груди — туда, где под рукавом скрывался световой браслет. Тот самый, который папа подарил ей в день их свадьбы. Она не снимала его ни на минуту.

Я стоял в тени колонны и смотрел ей вслед. Я не знал, что сказать. Я вообще не знал, что можно сказать в такой момент. Поэтому я просто вернулся домой, сел за стол, достал чистый лист бумаги и начал рисовать.

Я рисовал свет. Тот самый свет, который забрал моего отца. Ослепительный, безжалостный, прекрасный. Я рисовал его таким, каким запомнил: столп энергии, вырывающийся из-под земли, а в центре этого столпа — едва заметный силуэт. Человек с поднятыми руками. Я не видел, как он умер. Но я представлял его именно так. Не жертвой. Героем.

— Я не стану инженером, мама, — прошептал я, и мой голос прозвучал странно в пустой комнате. — Но я стану тем, кто хранит свет.

Стилуc оставлял на бумаге живой, медленно гаснущий след. Я знал, что через пару десятков часов рисунок исчезнет. Но это было не важно. Потому что я его уже запомнил.

Свет гаснет. Всегда гаснет. Но мы, те кто остался, помним. И пока мы помним — свет не умирает.

ГЛАВА 2: ТЕНЕВАЯ ОСЬ

Зал для закрытых переговоров в Президентском дворце Гелиополиса не имел окон.

Это было сделано намеренно. Ни один луч света, ни один случайный взгляд, ни один самый совершенный оптический прибор не могли проникнуть сквозь его стены. Воздух сюда подавался через автономную систему фильтрации, а пол, потолок и стены были покрыты слоем «мирного стекла» с вплавленными глушащими кристаллами. Никакой магии. Никакой прослушки. Никакой записи.

Здесь принимались решения, которые никогда не попадали в официальные протоколы. Здесь решалась судьба континентов.

Аурелия Корона-Люкс, Президент Федерации Солярис-Коммон, стояла у дальней стены и смотрела на голограмму, развёрнутую над столом. Голограмма изображала Светоч, их плану — не тот, что печатали в школьных учебниках, а настоящий: с границами военных зон, секретными базами, маршрутами патрулей и отметками падений осколков за последние полгода.

Она смотрела на неё уже десять минут. Она знала каждый значок, каждую линию, каждую цифру. Но сегодня вечером эта карта должна была измениться — или всё, что Аурелия строила последние семь лет, пошло бы прахом.

Дверь открылась без звука. Аурелия не обернулась — она знала, кто вошёл. Только один человек в этом мире имел доступ в этот зал, кроме неё самой.

— Госпожа Президент, — голос Княгини Марисы Велантис звучал спокойно, как море перед штормом. — Благодарю, что согласились на встречу в столь короткий срок.

Аурелия повернулась. Княгиня Приливных Зеркал стояла у двери — высокая, статная, в строгом брючном костюме антрацитового цвета. Никаких украшений, кроме массивного перстня с Княжеской печатью на правой руке и тонкой цепочки с кулоном из огранённой приливной ракушки на шее. Тёмно-каштановые волосы были собраны в низкий пучок без единой выбившейся пряди. Карие глаза смотрели прямо, оценивающе, без тени подобострастия.

За её спиной не было ни свиты, ни охраны, ни советников. Она пришла одна. Это был жест доверия — или жест абсолютной уверенности в себе.

— Княгиня, — Аурелия слегка наклонила голову. — Прошу, присаживайтесь.

Они сели друг напротив друга. Стол из цельного «мирного стекла» разделял их, но голограмма, всё ещё парящая над ним, просвечивала сквозь их лица. Это было красиво — и символично. Две женщины, разделённые картой мира, который они собирались изменить.

— Я ценю ваше время, поэтому перейду сразу к делу, — Мариса положила руки на подлокотники кресла. Её голос был деловым, но не холодным. — Я знаю о проекте «Автаркия» и знаю об «Освобождении». Я знаю, что вы готовитесь к войне с Мнемополисом.

Аурелия не вздрогнула. Её лицо осталось безупречно спокойным, а пальцы, лежащие на столе, не сжались ни на миллиметр. Но внутри неё что-то похолодело. «Автаркия» и «Освобождение» были самыми охраняемыми секретами Федерации. О них знали восемь человек, включая её саму. Если информация просочилась к Марисе — значит разведка Княгини гораздо сильнее, чем докладывали ССО(1). И то, и другое было плохо.

— Княгиня, — произнесла Аурелия, и её голос прозвучал ровно, как клинок, выходящий из ножен, — это очень серьёзное обвинение. Или предположение. На чём оно основано?

Мариса позволила себе лёгкую улыбку — ту самую, которую её подданные называли «улыбкой акулы».

— На интуиции. И на хорошей работе моих советников. Не будем тратить время на отрицания. Я здесь не для того, чтобы угрожать вам разоблачением. Я здесь, чтобы предложить сотрудничество.

Она сделала паузу, достаточную ровно для того, чтобы её слова осели в воздухе, и продолжила:

— Я тоже ненавижу эту Стену. Она убьёт *мой* океан. *Моё* море. *Мою* экономику. Само будущее Княжества. Но в одиночку я не могу ей противостоять. У меня нет армии для наземной войны. У вас — есть. У меня есть ресурсы, которые могут вам пригодиться. И у меня есть информация.

Аурелия медленно перевела взгляд с лица Марисы на голограмму. Она молчала ровно столько, сколько требовала вежливость, и ещё немного — чтобы дать себе время подумать. Потом произнесла — тихо, но отчётливо:

— Княгиня, я обдумываю ваше предложение. Оно очень своевременное. Возможно, мы сможем найти точки соприкосновения.

Мариса кивнула. Она знала, что это значит. «Да» на языке политиков никогда не звучит как «да» — оно звучит как «возможно, мы сможем найти точки соприкосновения». Но она также знала, что Аурелия не стала бы тратить эти слова на пустой отказ.

— Разумеется, — сказала она, поднимаясь. — Разумеется, этот разговор никогда не имел места.

— Разумеется, — эхом отозвалась Аурелия.

Они обменялись короткими кивками, и Мариса направилась к выходу. У самой двери она на мгновение остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Есть ещё кое-что, госпожа Президент. Силенций ищет что-то в Ущелье Теней. Мои разведчики докладывают об активности у границ зоны. Пока неясно, что именно ему нужно, но я бы на вашем месте усилила наблюдение за этим районом.

И она вышла.

Аурелия осталась одна. Она смотрела на дверь, за которой исчезла Княгиня, и думала о том, что только что произошло. Союз. Военный союз против Мнемополиса, предложенный не ею, а ей. Это меняло всё. Это давало ей флот. Разведданные. Технологии ИОИБ(2). Это превращало План «Освобождение» из отчаянной авантюры в реальную стратегию.

Но это также означало, что пути назад больше нет.

Она повернулась к голограмме. Карта Гелиополиса всё ещё парила над столом. Аурелия протянула руку и коснулась точки, где находился Мнемополис. Голограмма пошла рябью.

— Против Тумана, — прошептала она.

И карта изменилась.

Коридор Президентского дворца был пуст и тих. Аурелия шла рядом с Марисой, и их шаги гулко отдавались в пространстве. Они не говорили о политике. Они вообще ни о чём не говорили — только обменивались протокольными фразами, предназначенными для случайных ушей. Погода. Архитектура. Качество световых линий.

У выхода на посадочную площадку, где ждал Люксар(3) Марисы, они остановились. Охрана держалась на почтительном расстоянии. Две женщины стояли друг напротив друга — Президент и Княгиня, две самые влиятельные фигуры Гелиополиса.

— Значит, мы договорились, — сказала Аурелия тихо. — Княжество и Федерация. Против Тумана.

— Против Тумана, — эхом отозвалась Мариса.

Она развернулась и направилась к Люксару. Трап рассыпался микрочастицами и собрался в ступеньки. Мариса поднялась на борт и исчезла в салоне. Люксар взмыл в небо — серебристо-голубой, обтекаемый, бесшумный — и через минуту растворился в огнях ночного Светоча.

Аурелия осталась на площадке, глядя ему вслед. Ветер трепал её короткие седые волосы. Она прижимала левую руку к груди — туда, где под рукавом скрывался световой браслет. Тот самый. Она не снимала его семь лет.

— Юлиан, — прошептала она. — Надеюсь, ты бы меня понял.

И ушла обратно во дворец — составлять план войны, которую она надеялась никогда не начинать.

В двухстах километрах к юго-западу, в мрачном Чертоге Тумана, Хранитель Эха Силенций-У-Колодца слушал доклад своего секретаря. Новости были тревожные, но он приказал не обращать на них внимания. У него были более важные заботы — Стена. Она росла с каждым днём, опоясывая архипелаг мёртвых вулканов серым бетонным кольцом. Через два года, если темпы строительства не упадут, Мнемополис станет неприступной крепостью. А через пять — единственным государством на планете, способным диктовать свою волю всем остальным.

— Продолжать строительство, — приказал он. — Уничтожить Соппротивление. Остальное не важно.

Он ошибался.

Остальное было важнее, чем он мог представить. Но он поймёт это позже — когда над Туманным Морем появятся первые боевые корабли под флагами Федерации и Княжества. А пока он просто сидел в своём базальтовом кресле и слушал, как дышит вулкан.

Аурелия вернулась в свой кабинет и заперла дверь. Достала из сейфа тонкую костяную пластину — на таких она обычно записывала что-то важное, система пластин была автономна и не имела доступа в сеть, поэтому Госпожа Президент часто использовала их как записные книги. Лёгким прикосновением пальца она активировала её. Над пластиной развернулась голограмма: список из восьми имён. Восемь человек, которые знали о «Автаркии» и «Освобождении».

Кто-то из них предал её.

Она смотрела на имена, и её губы сжимались в тонкую линию.

Кларисса? Нет, Кларисса не предаст — она слишком многим обязана Аурелии, и, кроме того, она ненавидит Силенция так же сильно, как и сама Президент. Корвин? Кузен, тайный сторонник оппозиции, сливал информацию Соларе Арк, но он не знал о «Освобождении». Он вообще не имел доступа к военным секретам. Генерал Аврелий Форт? Старый друг покойного Юлиана, критик Аурелии, но патриот до мозга костей. Солара Арк? Она была бы рада уничтожить Аурелию политически, но работать на Мнемополис? Нет, это не её стиль.

Кто?

Аурелия выключила голограмму и откинулась в кресле. Завтра она начнёт расследование. А пока — нужно связаться с Клариссой и инициировать «Автаркию» в ускоренном режиме. Если Мариса узнала о планах, значит, узнает и кто-то ещё. Времени оставалось меньше, чем она рассчитывала.

Она поднесла световой браслет к губам и произнесла короткий код. Через несколько секунд в воздухе развернулась голограмма лица Клариссы Арк-Люкс.

— Аурелия? — голос ректора ИСК (4) звучал встревоженно. — Что случилось?

— У нас гости, — ответила Президент. — Точнее, гостя. Княгиня Мариса только что покинула Гелиополис. Она знает об «Автаркии» и «Освобождении».

Пауза. Кларисса молчала ровно три секунды — для неё это было равносильно панике.

— Источник утечки?

— Пока не установлен. Но Мариса предложила союз. Я согласилась.

Ещё одна пауза. Короче.

— Это меняет всё.

— Да. Запускай «Автаркию». Завтра. И подготовь расчёты по переоборудованию Экспрессов. Если нам придётся воевать, мы должны быть готовы перебросить армию через весь континент быстрее, чем Силенций успеет достроить свою Стену.

— Поняла.

— Конец связи.

Голограмма погасла. Аурелия осталась в темноте — только световой браслет на её запястье мягко пульсировал в такт сердцебиению. Она смотрела в окно, на огни ночного Светоча, и думала о том, что только что заключила союз, который может спасти Светоч — или уничтожить его.

1. ССО - Силы Световой Обороны, военизированная полиция, орган исполнительной власти, исполняющий так же военную функцию в Солярис-Коммон.

2. ИОИБ - Институт Океанических Исследований и Биоинженерии. Расположен на Жемчужном Острове, столице Княжества Приливных Зеркал. Девиз: «Познать глубину, чтобы защитить поверхность».

3. Люксар - Класс: Персональный автоматический летательный аппарат представительского класса.

Статус: Эксклюзивное транспортное средство, недоступное в свободной продаже. Изготавливается только по индивидуальным заказам для высших должностных лиц Федерации и владельцев/директоров крупнейших корпораций, по личной инициативе директора Арка. Также может быть изготовлен в качестве государственного подарка.

Производитель: «Арк-Индастриз», отдел специальных проектов. Каждый Люксар — штучное изделие, требующее месяцев ручной работы.

Внешний вид:

Корпус: Обтекаемый, каплевидной формы. Длина — 5 м, ширина — 2.5 м, высота — 1.8 м. Полированный композит. Цвет индивидуален. Классический — глубокий, гляцевый кремовый с золотистыми линиями.

Двери: Две боковые. Изготовлены из засекреченного наносплава с вплавленными микрочастицами память-кристаллов. В закрытом состоянии: Идеально гладкая, глянцевая панель без окон и ручек. При открытии: Дверь «рассыпается» на миллиарды микрочастиц, которые перестраиваются в широкий, рифлёный порог-ступень. Процесс занимает 2-3 секунды. При закрытии — обратный процесс.

Окна: Снаружи окон нет. Изнутри двери и часть крыши — сплошные панели из «умного» стекла, создающие эффект полной прозрачности. Можно проецировать информацию или затемнять.

Интерьер: Салон: 4 пассажира. Два кресла друг напротив друга. Обивка — светлая кожа. Отделка — полированная костяная нить, мягкая световая подсветка.

Мини-бар: Встроен в центральную консоль. Охлаждение на световых кристаллах.

Климат-контроль: Индивидуальный, с ароматизацией. Управление и полёт: Пилот: Отсутствует. Полностью автономен. Управляется бортовым ИИ (работает на самозаписывающихся память-кристаллах).

Движение: Комбинированная установка. Вертикальный взлёт/посадка: Антигравитационные захваты (отталкивание от городских лей-линий).

Горизонтальный полёт: Световые турбины (реактивная тяга). Высота: До 3000 м (технически возможно выше, но запрещено). Скорость: Крейсерская — 300-400 км/ч, максимальная — до 600 км/ч.

Безопасность: Корпус выдерживает лёгкое стрелковое оружие. При аварии — световые амортизаторы и кокон из «мирного стекла».

3. ИСК - Институт Светового Контура — главная научная академия и конструкторское бюро Федерации. Располагается под отдельным куполом, диаметром 2 км, в 15 км к северо-

востоку от Гелиополиса, на невысоком скалистом плато. Купол голубоватого оттенка — результат жизнедеятельности особых водорослей, рассеивающих свет для идеального «лабораторного» освещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.